

Ельцин не консультировался с Колем

Письмо канцлера ФРГ Гельмута Коля, разосланное в адрес руководителей семи ведущих индустриальных держав мира, вызвало шквальный поток серьезных комментариев и дешевых спекуляций, поскольку его содержание стало известно именно в разгар баталий на чрезвычайном Съезде народных депутатов.

В послании утверждалось: во время встречи на прошлой неделе в Москве с германским канцлером Борис Ельцин прозрочно намекал, что рассчитывает на политическую поддержку Запада в том случае, если противостояние с парламентом зайдет слишком далеко и вынудит его пойти на "чрезвычайные меры".

В интервью корреспонденту радио "Свобода" официальный представитель российского Президента категорически отверг предположение, будто на этой встрече Борис Ельцин консультировался с канцлером относительно введения в России президентского правления. Подобного рода сообщения, по его мнению, скорее всего, возникли не без участия противников Ельцина в самой России.

Один высокопоставленный сотрудник в вашингтонской администрации, который настоял на сохранении своего инкогнито, рассказал, что большую часть письма Коля занимала оценка экономических проблем России. Упоминание о вероятности роспуска парламента в качестве последней меры было кратким, и из него не следовало, что Ельцин нуждается в поддержке Запада.

Тем не менее, президент США отреагировал незамедлительно. "Я намерен предпринять все, что могу, с целью оказать ему поддержку на всем протяжении времени, пока он является Президентом России", — заявил Билл Клинтон. Он также направил письмо лидерам "семерки", убеждая их посвятить достаточно времени и сил рассмотрению вопроса об экономической помощи России.

На этой неделе Билл Клинтон в течение 20 минут обсуждал "русский вопрос" со своим предшественником на посту президента Джорджем Бушем. Вслед за этим состоялась встреча еще с одним экс-президентом — Ричардом Никсоном, посвященная в значительной мере целям американской внешней политики по отношению к России. Зарубежные комментаторы напоминают в этом контексте, что в ходе предвыборной кампании Клинтон упрекал Буша в медлительности и нерасторопности в оказании поддержки российским реформам.

Совпало по времени и заявление Владимира Лукина, российского посла в США, который предупредил, что одна лишь словесная помощь недостаточна и способна вызвать только "раздражение", если не будет подкреплена реальными шагами.

Накануне открытия в Москве чрезвычайного Съезда Уоррен Кристофер, государственный секретарь США, подтвердил: администрация намерена запросить конгресс увеличить техническую помощь России и другим бывшим республикам СССР в этом году до 700 миллионов долларов. Помимо этого, готовится пакет предложений, включающий в себя меры по облегчению долгового бремени и облегчению доступа к международным кредитным институтам. Практически подготовлен контракт о предоставлении России от Экспортно-импортного банка США займа в размере 2 миллиардов долларов на модернизацию нефтегазового комплекса.

В то же время, нельзя выпустить из поля зрения и такие заявления в Вашингтоне, вызванные письмом Коля, что дают ответ на вопрос, как бы повела себя администрация Клинтона, если действительно президент Ельцин пошел бы на "чрезвычайные меры". Представитель Белого дома Дж. Стефанопулос выразился так: "Президент надеется, что русские разрешат свои разногласия таким образом, чтобы реформы продолжались". Представитель госдепартамента США Р. Баучер был осыпан градом вопросов, повторяющихся по своей сути, однако отказался дать однозначный ответ, поддержит или осудит официальный Вашингтон "чрезвычайные меры".

Обозреватели исходят поэтому из прецедента. США осудили Альберто Фухимори, Президента Перу, когда в апреле 92-го года он распустил парламент, приостановил действие конституции и взялся управлять страной, прибегая к помощи военных.

Несмотря на это, значительное число политологов согласны в одном: в случае ухода Бориса Ельцина со своего поста до истечения срока полномочий в 1996 году, в России сейчас невозможно найти достойных преемников. Отсюда и часто повторяющийся рефрен, если воспользоваться словами бывшего госсекретаря США Л. Иглбергера: "Господь знает, нам всем надо молиться, чтобы он выжил".

В. МИХЕЕВ,
"Известия".

Противостояние: президент — спикер

Би-Би-Си. Руслз: Хасбулатов призвал депутатов Съезда не идти ни на какие соглашения с президентом. 12 марта Съезд должен принять постановление, которое резко ограничит полномочия президента России. Почему же глава парламента выступает с такой резкой критикой президента? Этот вопрос задал Хасбулатову наш московский корреспондент Григорий Нехорошев.

Хасбулатов: Я просто хотел вернуть депутатов на реальную почву, что всякие соглашения в обход Конституции, играют губную роль. Мне просто показалось, что после выступления и федерального премьер-министра, и президента некоторые депутаты были склонны опять идти по порочному пути и принимать какие-то решения, выходящие за пределы Конституции. Чтобы этого не допустить, я и сказал: "Чего вы, собственно, хотите?" В оборот-то пущены какие-то термины, "законная власть" кому-то понадобилась. А что такое законная власть — это и есть Конституция... конституционное соглашение.

Извините, а что такое Конституция? Это и есть соглашение между всеми гражданами об определенных правилах поведения. А что такое Съезд? Это и есть, если хотите, учредительное собрание, конституционное собрание, национальное собрание, по-разному можно его назвать. Поэтому нельзя вокруг этих терминов п-

таться как-то мудрить и путать людей, их мысли. А здесь, видите, упреки, обвинения постоянные в депутатский адрес, они высказываются и позволяют им иногда действовать необдуманно. Поэтому, может быть, и были какие-то эмоциональные переходы, но я считаю, что я высказал то, что есть на самом деле.

— Руслан Имранович, скажите, будет ли постановлением съезда поставлена точка в конституционном кризисе?

Конституционного кризиса, мне кажется, нет, он навязывается. Но политический кризис залито. Самое лучшее, конечно, было бы все-таки принять идею, которую я впервые высказал, это об одновременном проведении выборов и президента, и федеральных депутатов. Мне кажется, это дало бы ответ и возможность депутатам отработать избирательный закон, например, о выборах депутатов, о выборах президента, разработать основы будущего парламентского устройства, подвести прочную законодательную базу под оудущую систему функционирования федеральных учреждений власти и таким образом создать механизм хорошего взаимоконтролирующего управления нашим федеральным государством.

Мне кажется, что если ли при существующих высших органах, удастся бесконфликтно осуще-

ствлять деятельность, потому что у исполнительной власти есть патологическое стремление уничтожить нарождающуюся демократическую власть, власть парламентскую. Может, генетически исполнительная власть связана с большевизмом, она привыкла действовать в комфортных условиях, поэтому им мешает парламент, нет свободы маневра.

После VII Съезда усложнилось экономическая обстановка. Практически все решения, принятые на VII Съезде, и конкретные поручения правительства, президента, не выполнены именно в экономической части. Ну, например, было предложено в месячный срок разработать план стабилизации экономики, до сих пор нет этого плана. До сих пор Верховный Совет не сумел даже утвердить федеральный бюджет. Премьер, выступая, говорил, но он не сказал, почему мы его не утвердили. А я хочу сказать, мы и не можем утвердить такой неподготовленный, некавалифицированный план, где нет конкретных показателей расходов правительства, разных правительственных служб, нет показателей даже валютных затрат, то есть правительство, президент не дают парламентариям то, что соответствует закону, Конституции: куда же они хотели затратить нашу российскую валюту от наших предприятий?

Единственный выход

Радио "Свобода". У микрофона Владимир Толы.

— В нашу московскую студию радио "Свобода" из Кремля вернулся Андрей Бабицкий. Что вы можете сказать?

— Я был после окончания заседания Съезда на совещании Коалиции реформ, и там происходили довольно любопытные вещи. "Мы должны отдавать себе отчет в том, что Съезд Ельциным проигран окончательно и бесповоротно, — заявила на совещании Галина Старовойтова. — Надо думать о том, что делать после Съезда". "Президент проиграл в зале Кремлевского Дворца, — сказал мне председатель парламентского Комитета по экономической реформе, — но он пока не утратил своей власти в глазах населения России, поэтому единственный путь отныне — это референдум".

В этом единодушны, фактически, все сторонники Ельцина. Выборы — не выход, ибо на их организацию и проведение потребуется значительный срок, за который власть в России или окончательно рухнет, или будет узурпирована теми, кто сейчас одержал верх на Съезде.

Опрос общественного мнения, о котором, следуя выработанной до Съезда линии, говорят люди из ближайшего окружения Президента, также не панацея, ибо при любом результате он не может иметь юридических последствий. Кроме того, референдум — это, фактически, единственный конституционный способ разрешения конфликта, оставленный Президенту, поскольку из проекта постановления Съезда вычеркнут пункт о моратории на референдум.

Многие сторонники Президента также убеждены и в том, что Съезд сыграл крайне положительную роль. С одной стороны, своей грубостью и бескомпромиссностью в отношении Ельцина, сохраняющего еще в глазах народа роль харизматического лидера, он не мог не отвратить от себя значительную часть общественного мнения. С другой стороны — он, Съезд, в значительной степени против своей воли актуализировал саму идею референдума, смысл которой до начала Съезда не был понятен большинству российского населения.

Встречного движения не получилось

Так охарактеризовал Б. Ельцин сложившуюся ситуацию. По его мнению, постановление предыдущего съезда в основном достигло своей цели, позволило сохранить тонкое, хрупкое, но все же равновесие властей. Отмена его, сказал он, разбалансирует взаимодействие, и в случае принятия документа, предложенного редакционной комиссией, мы вернемся к ситуации, сложившейся в ходе VII Съезда, а это означает, что его обращение к народу сделать выбор между Президентом и съездом "вновь вступит в силу". "Я — за референдум, — заявил Б. Ельцин, — и беру на себя ответственность за его проведение и порядок на нем. Если не будут приняты высказанные мною предположения, — продолжал он, — то президенту придется искать еще какие-то дополнительные меры для того, чтобы обеспечить баланс властей в стране, сохранить все ветви власти и в 1993 году действительно укрепить экономику и материальное состояние наших людей".

Около двухсот поправок к проекту постановления поступило на Съезд, но все решило голосование по двум из них: по тем самым второму и седьмому пунктам, которые Б. Ельцин предложил исключить из документа, чтобы не разрушить власть в стране. Оба эти предложения Съезд отклонил, после чего Президент и его команда покинули зал заседаний и Большой Кремлевский дворец, а президентский доклад объявил перерыв. Просьба глав администраций продлить его, дабы они могли определить свою позицию, не возымела действия. Большинство депутатов, уже не оглядываясь на возможные последствия, решило форсировать события и в быстром темпе проголосовало за принятие постановления.

Что же произошло? Как заявил, обращаясь к съезду, один из депутатов, "мы фактически ликвидировали исполнительную власть". Если учесть, что именно от нее, от находящихся в ее руках рычагов зависит вся практическая работа, то за судьбу реформ теперь трудно поручиться.

Премьер-министр В. Черномырдин просто не мог понять, что происходит. "России нужно правительство или нет? — задает он вполне резонный вопрос. — Вправе оно решать народнохозяйственные вопросы или должно ходить с протяну-

той рукой?" Скорее всего, теперь на его долю выпадает последнее. Члены Верховного Совета простым нажатием кнопок смогут вмешиваться в любой шаг исполнительной власти. А если учесть уровень компетентности многих из них, неумение просчитать финансовые последствия тех или иных решений, лоббистские влияния, то единую экономическую политику будет строить почти невозможно. Складывается ситуация, при которой у одной ветви власти будут права, а у другой — ответственность. Но в нормальном государстве так не бывает, и в этом придется скоро убедиться. В результате вместо сильной власти, без которой не выплыть, мы получаем власть размытую, тонущую в бесконечных парламентских голосованиях.

Как же отреагирует Президент? Скорее всего, он обратится к народу, за которым останется последнее слово. Первый вице-премьер В. Шумейко сказал журналистам, что референдум может состояться в короткий срок. Проводить его "будет чрезвычайно сложно в условиях противодействия со стороны Советов. И если не удастся его провести, за Президентом остается право на всенародный опрос (плебисцит)". На него могут быть вынесены те же самые вопросы, которые он уже называл, либо один-единственный: "Кому народ доверяет проводить экономические и демократические реформы в России — Президенту или нынешнему составу депутатского корпуса?" "Если мы получим положительный ответ на этот вопрос, — добавил В. Шумейко, — значит, силами исполнительной власти в России будут и дальше осуществляться реформы. Если народ ответит "нет", тогда реформы будут свернуты, и все, что сделано, потеряет смысл".

Так завершился этот драматический день, добавивший к нашим экономическим заботам новые политические потрясения. Кажется, борьба за власть различных сил, включая и возрождающиеся коммунистические, приняла такие формы, когда о судьбах России думают в последнюю очередь.

Н. ДОРОФЕЕВ,
Н. КИШКИН,
"Труд".